ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ / HISTORICAL ARTICLE DOI: https://doi.org/10.56478/taruj20255262-71

«Эрик Берн, каким мы его не знали»

Алсу Идгаровна
САМОЙЛОВА
Место работы: практикующий психолог; студент Международного Развивающего Института Транзактного Анализа (МИР-ТА) (Санкт-Петербург) и НИУ ВШЭ; Казань, Россия; salsu@icloud.com
ORCID: 0009-0003-6815-2633; ResearcherID: IVU-7502-2023

Alsou Idgarovna
SAMOILOVA
Place of work: practicing psychologist; student of the International Institute of Developing Transactional Analysis (MIR-TA/IIDTA) (Saint Petersburg) and HSE University; Kazan, Russia; salsu@icloud.com
ORCID: 0009-0003-6815-2633; ResearcherID: IVU-7502-2023

"Eric Berne as we never knew him"

Аннотация. 6 апреля 2025 года в рамках фестиваля транзактного анализа, организованного институтом МИР-ТА в Санкт-Петербурге, состоялся телемост с Терри Берном — писателем, переводчиком и сыном Эрика Берна, основателя транзактного анализа. Разговор объединил два пространства — Санкт-Петербург и Испанию, где сейчас живет Терри, и стал редкой возможностью увидеть фигуру Эрика Берна не только как создателя теории, а как живого человека, отца и исследователя.
Терри делился воспоминаниями о жизни рядом с отцом, об атмосфере, в которой рождался транзактный анализ, и о людях, с которыми Эрик Берн работал и дружил.
В интервью звучат теплые воспоминания и живые детали. Через рассказ Терри его отец, Эрик Берн, предстает не только как автор теории, но и как человек своего времени. Формат встречи, которую модерировала директор института МИР-ТА Юлия Градова и переводила член редколлегии журнала «Транзактный Анализ в России» Екатерина Ермишина-Мартюкова, сделал разговор открытым и непринужденным, а внимание к русской культуре и памяти о первом визите Терри в Петербург добавило особую интонацию.

Ключевые слова: Эрик Берн, Терри Берн, транзактный анализ, история ТА, жизненный сценарий, психоанализ, Эсален, Грегори Бейтсон, Фриц Перлз, память о Берне, семейная история, культурное влияние, ТА в России, ТА-сообщество, Вечерние семинары по вторникам, психотерапия, Россия.

Abstract. On April 6, 2025, as part of the Transactional Analysis Festival organized by the MIR-TA Institute in St. Petersburg, a live video conversation was held with Terry Berne – writer, translator, and the son of Eric Berne, founder of transactional analysis. This dialogue connected two locations – St. Petersburg and Spain, where Terry now lives, and offered a rare chance to see Eric Berne not only as the author of a theory but as a living person, a father, and an explorer.
Terry shared personal memories of growing up with his father, the atmosphere in which transactional analysis took shape, and the people Eric Berne worked and built friendships with.
The conversation is full of warm recollections and vivid personal details. Through Terry's voice, Eric Berne comes alive as a man of his time, beyond the boundaries of his theory. The format of the meeting – moderated by Yulia Gradova, Director of the MIR-TA Institute, and interpreted by Ekaterina Ermishina-Martyukova, member of the editorial board of the journal "Transactional Analysis in Russia" – gave the conversation an open and relaxed tone, while the attention to Russian culture and the memories of Terry's first visit to St. Petersburg added a special note to the dialogue.

Keywords: Eric Berne, Terry Berne, transactional analysis, history of TA, life script, psychoanalysis, Esalen, Gregory Bateson, Fritz Perls, memory of Berne, family history, cultural influence, TA in Russia, TA community, Tuesday evening seminars, psychotherapy, Russia.

6 апреля 2025 года в рамках фестиваля транзактного анализа, организованного институтом МИР-ТА в Санкт-Петербурге, состоялся телемост с Терренсом Аланом Берном, сыном Эрика Берна. Разговор объединил два пространства — Санкт-Петербург и Испанию, где сейчас живет Терри, — и стал редкой возможностью увидеть фигуру Эрика Берна не только как создателя теории, а как живого человека, отца, исследователя и свидетеля своего времени.

В беседе Терри Берн вспоминал своего отца — каким он был в повседневной жизни, что любил, чем интересовался и как выглядела его семья изнутри. Это интервью — возможность увидеть Эрика Берна не как автора теории, а как человека через взгляд того, кто рос рядом с ним, услышать ту часть истории, которую редко фиксируют учебники. Особую интонацию встрече придает внимание к русской культуре, литературе и памяти о первом визите Терри в Санкт-Петербург в 1992 году — как музыкального журналиста.

В этот вечер в одном зале собрались люди разных поколений: студенты и начинающие психологи, преподаватели и супервизоры — те, кто изучает и развивает транзактный анализ в России. Их объединило желание прикоснуться к живой истории метода и услышать ее не из учебников, а из первых уст. Формат встречи в рамках фестиваля позволял каждому участнику задать интересующий его вопрос, благодаря чему разговор стал многоголосым, открытым и непринужденным.

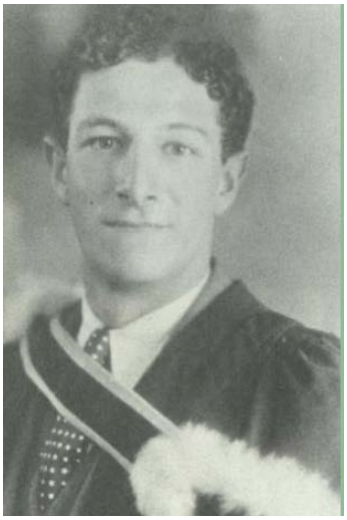
Беседу открыла Юлия Градова, директор Института МИР-ТА. Последовательный перевод вела Екатерина Ермишина-Мартюкова, благодаря чему слова Терри сохраняли свою интонацию и мягкий ритм. Формат встречи был простым и живым: вопросы задавали участники зала, а ответы Терри сложились в коллективное интервью — неспешный рассказ о жизни, семье и работе его отца.

Портрет Эрика Берна в студии Юнкера-Йенсена
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Терри Берн — писатель, редактор и переводчик, хранитель памяти о своем отце не как о легенде, а как о живом человеке. В этот вечер он делился не фактами из биографии, а историями: о пляжах Калифорнии, шахматных партиях и телескопе, алгебре, терпении и любви, которая не всегда выражается словами.

Эрик Леонард Бернстайн в возрасте около 18 месяцев. Позже он изменил написание своего имени: с Loenard на Lennard
(см. Eric Berne Archives: A Preservation Partnership, 2019, EATA: https://eatanews.org/wp-content/uploads/2019/04/Eric-Berne-Archives.pdf)

В этой статье мы постарались сохранить атмосферу встречи и интонацию рассказа Терри Берна. Через его слова фигура Эрика Берна становится ближе: перед нами не только основатель метода, но и человек со своими привычками, юмором, теплотой и отношением к жизни. И может быть, это напоминание о том, что за любой теорией всегда стоит личная история.



Эрик Берн, 21 год, окончил университет по двум специальностям — математике и психологии, 1931 год
https://eatanews.org/wp-content/uploads/2019/04/Eric-Berne-Archives.pdf

О мифах и искажениях

— Как транзактные аналитики и психологи мы понимаем, сколько мифов и вероятно, искажений сложилось вокруг Эрика Берна. Он становится скорее мифологической фигурой, а не реальным человеком. И это очень важно для метода, чтобы он оставался живым и реальным. Нам важно иметь контакт с живым Эриком Берном, а не абстракцией. Мы понимаем, что примерно того же возраста, что и вы, мы воспринимаем Эрика Берна как фигуру отца, а иногда даже праотца. Очень интересно узнать о нем как о личности.

— Спасибо за приглашение. Я не знаю, упоминала ли Катерина, но я большой русофил — я очень интересуюсь и люблю русскую культуру.

Итак, начну с главного. Мой отец умер, когда мне было пятнадцать. Примерно за год до этого он как-то рассказал мне одну историю. Я не помню, почему он решил поделиться ею именно тогда, но она прочно засела у меня в памяти. Он сказал: — «Если уж родителю суждено умереть, то лучше всего — когда ребенок еще совсем маленький. Тогда он сможет вырасти и приспособиться к жизни без отца. Либо — когда он уже взрослый. Но никак не в подростковом возрасте. Умирать в подростковом возрасте ребенка — самое трудное. Потому что именно в подростковом возрасте ты только начинаешь узнавать родителей как настоящих людей. Не просто как «папу» или «маму», а как отдельного взрослого человека». В этом смысле мне не повезло. Мне было всего пятнадцать.

Тем не менее я провел с ним много времени. Даже в каком-то смысле профессионально. Иногда я помогал ему редактировать книги. И я чувствую, что успел узнать его как личность до того, как он умер. Есть одна вещь, которая до сих пор меня поражает: он много работал — очень много. У него была частная практика в Кармеле, штат Калифорния, и еще одна — в Сан-Франциско, это примерно 200 километров от Кармела. Каждую неделю по вторникам он уезжал в Сан-Франциско, а по четвергам возвращался обратно. В 1950-х он проводил втор-

ничные вечера-семинары[1] — то, что потом стало прообразом Международной ассоциации транзактного анализа. Их называли «вторничные семинары».

Рабочий кабинет Эрика Берна в Кармеле
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Комната для семинаров в доме на Коллинз-стрит (San Francisco)
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Комната для семинаров в Кармеле, 1970
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Эрик Берн с группой за столом, 1959
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

А в остальные дни, когда он был дома, он приходил вечером, ужинал около семи (в США это обычное время ужина), а потом шел в свой маленький кабинет в саду и работал там до двух часов ночи. Отец также ездил на конгрессы, давал лекции, читал курсы в университетах. Это было нелегко для его брака с моей матерью, ведь он постоянно работал. Все это, конечно, сказалось на их отношениях. Это было трудно. Он просто постоянно работал.

Эрик Берн за работой
см.: Eric Berne Archives. https://www.ericbernearchives.org

1 Tuesday Night Seminars: В начале 1950-х, живя и практикуя в Сан-Франциско, доктор Эрик Берн начал проводить регулярные встречи по вторникам. На них приходили студенты, психиатры и социальные работники, чтобы обсуждать зарождающуюся модель личности и общения.
Именно на этих встречах появились ключевые идеи будущего транзактного анализа: эго-состояния, теория трансакций, анализ игр и сценариев. Обсуждая клинические случаи и рисуя схемы на доске, Берн постепенно формировал метод, который позже описал в своих книгах.
К концу десятилетия вокруг него сложилось сообщество, из которого выросла Международная ассоциация транзактного анализа (ITAA).
Семинары по вторникам стали колыбелью ТА: здесь идеи обрели язык и стиль, а сам подход — демократичность, практичность и ориентацию на понятность для всех.
Источник: интервальное интервью с Терри Берном, сыном Эрика Берна (6 апреля 2025 года, фестиваль ТА, Санкт-Петербург), а также: Stewart, I. & Joines, V. (1987). TA Today. Nottingham: Lifespace Publishing; Cornell, W.F. (2008). Into TA: A comprehensive textbook. ITAA; Heath, N. (2000). Eric Berne: Key Figures in Counselling and Psychotherapy. SAGE Publications.

• СПРАВКА ЖУРНАЛА «ТА В РОССИИ»

Терри БЕРН (Terence Alan BERNE)

Теренс (Терри) Алан Берн — младший сын Эрика Берна и Дороти Уэй. Родился в Калифорнии, с начала 1980-х живет в Испании, где работает писателем, переводчиком и редактором. В 2008 году он обнаружил в кабинете отца в Кармеле неизданную ранее рукопись под названием The Old Stone House («Старый каменный дом»). В 2010 году, к столетию Эрика Берна, книга вышла под названием A Montreal Childhood («Детство в Монреале»). Терри также участвовал в создании электронного архива Эрика Берна, реализованного при поддержке Международной ассоциации транзактного анализа (ITAA) и Университета Калифорнии в Сан-Франциско (UCSF).

Фотография дома Эрика Берна в Кармеле, сделанная примерно в 2008 году
См.: Eric Berne Carmel Home.
URL: https://ericberne.com/eric-berne-carmel-home/

Но что удивительно — у нас было много времени вместе. Я не чувствую, что в детстве был как-то покинут. Каждые выходные мы ездили на пляж — на целый день. Потом, после пляжа, мы шли в гости к друзьям, слушали музыку, разговаривали.

Собирались с друзьями: взрослые пили, курили, слушали музыку и просто разговаривали. Друзья отца в Кармеле — художники, богема — много пили, курили, иногда даже не работали. Ему очень нравились, он ценил таких «настоящих» людей — простых, не из его профессии.

Так что все мое детство прошло среди таких людей: на пляже, у них дома. Наверное, это повлияло и на меня. Я мог бы выбрать более профессиональный путь, но выбрал чуть богемный.

Он очень любил «выпускать своего Ребенка» — как, наверное, видно даже из его книг. После работы было много веселья. После конференций, например, все шли в ресторан — и сидели там по два, три часа. Это было важно — и для него, и для всех нас. Так что несмотря на огромное количество работы, он находил время и для семьи, и для детей, и для друзей. И это, пожалуй, одна из важных сторон.

Рик (старший) и Терри (младший) — дети Эрика Берна и Дороти Уэй
https://eatanews.org/wp-content/uploads/2019/04/Eric-Berne-Archives.pdf

Одно из серии изображений костюмированной вечеринки в августе 1959 года
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

А еще он очень любил сам чему-то нас учить. Как отец — он был очень вовлечен. Он годами пытался научить меня алгебре. Каждую неделю — уроки в кабинете. Также он много времени тратил, чтобы научить меня шахматам.

Он любил звезды: раз в месяц мы с ним выносили телескоп в сад ночью, чтобы посмотреть на Луну или Венеру.

Мы жили рядом с океаном, и у меня было несколько аквариумов с морскими звездами и другими морскими существами. Он помогал ухаживать за ними, вместе мы собирали «экспонаты» на пляже. Он действительно много времени проводил со мной — особенно потому, что я тоже любил науку.

Когда мне было лет тринадцать, отец начал давать мне свои книги — не только для чтения, но и с заданиями. Он просил, например, сходить в библиотеку и

что-нибудь выяснить по определенной теме. Я шел, искал нужное, делал заметки и приносил ему.

Так что, в каком-то смысле, я участвовал в его писательской работе. Это была форма соавторства, неофициального, конечно, но важного для меня.

После его смерти мы нашли множество коробок, полных рукописей. Это были наброски, фрагменты, иногда почти законченные книги. Некоторые из них были детскими. Одна — особенно интересная: в ней он рассказывал историю человечества для трех возрастных групп.

Он пересказывал один и тот же материал на трех уровнях сложности, сначала очень просто, затем чуть сложнее и, наконец, для подростков. Ему было важно, чтобы ребенок мог расти вместе с книгой. Это был удивительный замысел — сделать так, чтобы одна и та же история сопровождала человека на разных этапах взросления.

И еще, на всякий случай, может, вы уже об этом говорили, но у моего отца было две любимых книги. Первая — «Братья Карамазовы», вторая — «Пармская обитель» Стендаля. Вот такой факт — почти анекдот.

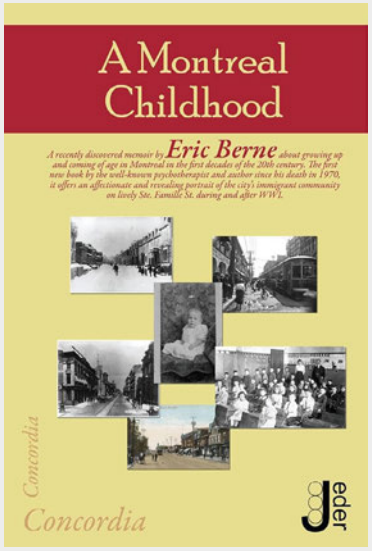
О том, с кем дружил Берн

— Можете ли вы назвать каких-либо известных людей, с которыми Эрик Берн был знаком или дружил? Музыкантов, художников?

— Он очень любил джаз. У нас дома было много пластинок — и джаз, и классика, включая, конечно, русских композиторов. Было и много раннего рок-н-ролла — с самого начала 60-х. Наверное, у нас было штук сто долгоиграющих пластинок.

Эрик Берн за ударной установкой. Неофициальный снимок, на котором он играет на барабанах, — штрих к его образу вне кабинета, отражающий интерес к музыке и легкость в общении
https://beyondmotivation.ca/contents/reference-authors-bios/eric-berne/

• СПРАВКА ЖУРНАЛА «ТА В РОССИИ»



A MONTREAL CHILDHOOD («Детство в Монреале»)

Единственная автобиографическая книга Эрика Берна, изданная посмертно в 2010 году (Jeder, Испания). Она охватывает детство Берна в Монреале с 1910 по 1927 год — от первых воспоминаний до поступления в медицинскую школу Макгиллского университета.

Берн описывает жизнь на улице Сент-Фамиль в еврейском квартале Монреаля: соседские привычки, школу и, прежде всего, фигуру отца — врача Давида Бернстайна. Его работа среди бедных и человеческое отношение к пациентам оставили глубокий след в мировоззрении будущего психиатра. Смерть отца от туберкулеза, когда Эрику было десять лет, становится ключевым эпизодом книги и важной вехой формирования его идентичности.

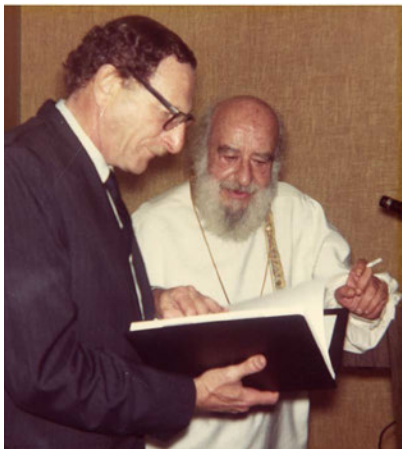
В книге ясно проступает культурный контекст семьи: отец — один из основателей Herzl Dispensary (Клиники Герцля), созданной для бесплатной помощи малоимущим, а мать — учительница и журналистка, которая бережно развивала в сыне интерес к книгам и письму.

По сути, это мозаика воспоминаний — наблюдательная, ироничная и лиричная, где уже угадываются мотивы, ставшие основой для теории трансакционного анализа и интереса Берна к человеческим отношениям.

• A Montreal Childhood впервые готовится к выходу на русском языке. Перевод ведется в институте «МИР-ТА» по договору с Терри Берном, правообладателем книги. В этой книге собраны воспоминания Эрика Берна о детстве: о том, как он, будучи мальчишкой, сопровождал отца-врача к пациентам. В этих прогулках по улицам Монреаля и встречах с людьми рождался его первый опыт наблюдения за людьми и постепенно складывался взгляд на мир.

Но если говорить о друзьях, знаете, я могу назвать людей, с которыми он встречался, пересекался, но мне кажется, его настоящие друзья были другими. Не из профессионального круга. Кроме двух-трех человек из ТА, его настоящими друзьями были те, с кем он проводил выходные на пляже. Это были «его люди» — не академики и не светские персонажи.

Я, например, помню нашу встречу с Фрицем Перлзом — да, тем самым, из гештальт-терапии. Недалеко от Кармела есть место, известное в истории движения человеческого потенциала, — институт Эсален (Esalen Institute). Он был основан в начале 1960-х годов и расположен в невероятно красивом месте на побережье Калифорнии. Вот именно там мы и встретились с Перлзом.



Эрик Берн и Фриц Перлз
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections. (Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Отец, кажется, приезжал в Эсален всего пару раз. Один из них — когда он взял меня с собой. Мне тогда было лет 11–12. Там были огромные горячие ванны — прямо на скале, с видом на океан. Все купались, все были обнажены — было очень дико, сумбурно. Мне, если честно, это не понравилось. И моему отцу, как я понял, тоже. Он считал, что между терапевтами и пациентами не должно быть такой степени «неформального слияния». Но в Эсалене это было нормой — там многое строилось на телесности и раскрепощенности. Так что он скорее оставался в стороне, хотя и присутствовал.

А еще мы встречались с Грегори Бейтсоном[2] — удивительным человеком, работавшим в самых разных областях: от антропологии до кибернетики. Он, кстати, один из тех, кто сформулировал теорию «двойного послания» (double bind[3]) — гипотезу о том, что шизофрения может возникать у ребёнка, если его окружают систематически противоречивые послания, с которыми он не может справиться.

Хотя сейчас эту теорию не считают универсальной, в 50–60-х годах она была довольно влиятельной. Позже Бейтсон стал заниматься коммуникацией между людьми и животными, особенно с дельфинами. Он даже стал директором одного океанариума на Гавайях — с касатками, дельфинами и другими морскими животными. Он пригласил нас туда — меня и отца. И мы действительно поехали на Гавайи и жили там у него. Мне тогда было лет 12–13. Это был незабываемый опыт. Мы гуляли, наблюдали за животными, общались. Это был целый мир и, пожалуй, одно из самых ярких воспоминаний моего детства.

Грегори Бейтсон также внес вклад в кибернетику, антропологию, теорию систем — и везде, где бы он ни работал, он оставлял что-то значительное. Не уверен, переведены ли его работы на русский, но есть сборник его эссе — очень рекомендую.

Что касается художественного вкуса моего отца: он обожал этническое и народное искусство. Наш дом был наполнен предметами фольклора — со всего мира. Он любил «наивное» искусство, ручную работу, живые культурные артефакты — не обязательно дорогие, но подлинные.

Джек Дюсей, Клод Штайнер, Эрик Берн и Пэм Блюм в Вене
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Claude Steiner and Eric Berne
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

[2] (1904–1980) Англо-американский антрополог, лингвист, биолог, философ, эпистемолог, один из отцов системной теории и экологического мышления.

[3] Double bind — концепция Грегори Бейтсона и коллег (1956), описывающая ситуацию противоречивых посланий, из которой невозможно выйти или обсудить ее. Хронический опыт таких «двойных посланий» дезорганизует мышление и поведение; изначально модель связывали с шизофренией.
Сегодня идея double bind применяется в семейной, нарративной, когнитивно-аналитической и других видах терапии для понимания парадоксальных паттернов взаимодействия.

Выпускной семинар, 1961 год
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

О смерти

— Как Эрик Берн относился к собственной смерти? Чувствовал ли он ее приближение?

— Я уже рассказывал ту историю: о том, что родителю не стоит умирать, пока его дети — подростки. Это была не просто метафора — он действительно так думал. Он заботился о себе: бегал по пляжу, плавал в океане, причем вода там была очень холодной, — мало кто плавал, но он плавал. Он старался поддерживать форму.

Но когда у него случился инфаркт, и он оказался в больнице, он продолжал работать. Писал книги. Я думаю, он чувствовал, что время уходит. И именно тогда он пытался закончить две последние книги — Sex in Human Loving[4] («Секс и человеческая любовь») и What Do You Say After You Say Hello? («Что вы скажете после того, как сказали «здравствуйте»»). Он писал их прямо из больницы. Я не знаю, что он чувствовал, но по поступкам было видно, что он понимал: времени мало и надо успеть.

О любимой сказке

— А какая сказка была у него любимой? И есть ли у вас любимая?

— Он точно писал о «Красной Шапочке». В 1950-х он опубликовал эссе, посвященное этой сказке. Оно было, скажем так, довольно фрейдистским. Психоаналитическим. Если честно, мне не очень нравится этот текст. А свою любимую сказку я не знаю. Мне нужно подумать. Может, пока мы будем говорить дальше, вспомню.

— Нас здесь немного, — сказала одна из участниц встречи, **— но вы должны знать: в России — тысячи людей, которые любят транзактный анализ и творчество вашего отца. Для многих Эрик Берн стал почти русским автором: его идеи нам близки, понятны, не вызывают внутреннего сопротивления.**

— Это удивительно, — мягко улыбнулся Терри. — Спасибо.

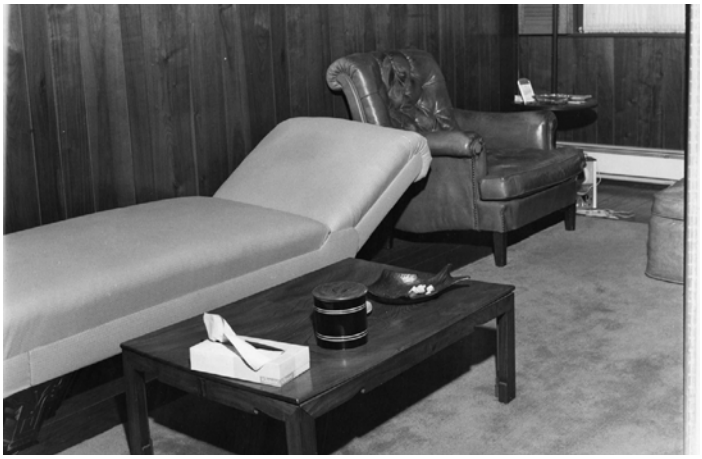
— А может быть, вы приедете к нам на следующий фестиваль?

— Через два года? Почему бы и нет, — ответил он. — Я мечтаю посетить дома Толстого, Тургенева, Достоевского. Это в моем списке. Не обещаю, но возможность есть. Спасибо за приглашение.

О психоанализе и психоаналитиках

— Вы знаете, что корни теории транзактного анализа — в психоанализе. Но нам известно, что у вашего отца были непростые отношения с аналитическим сообществом. Можете рассказать об этом?

— Да, он хотел стать членом Американской психоаналитической ассоциации. И проходил анализ у Эрика Эриксона. Но в итоге — его не приняли. Это было, кажется, в конце 40-х или в начале 50-х. Думаю, дело в том, что он уже тогда мыслил слишком независимо. Его идеи не вписывались в установленные рамки. Он не шел в ногу с ортодоксией. И это, наверное, стало началом его отчужденности от психоаналитического сообщества. При этом он никогда не утратил уважения к Фрейду и действительно восхищался его умом и идеями. Позже, уже в 1960-х, когда Берн стал известным, к нему обратились снова — предложили вступить в ту же ассоциацию. И тогда он отказался сам.



Кушетка в рабочем кабинете Эрика Берна в его доме в Кармеле (Калифорния)
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

[4] Эрик Берн завершил работу над книгой What Do You Say After You Say Hello? незадолго до смерти; она была опубликована уже посмертно в 1972 году. Книга Sex in Human Loving, увидевшая свет в 1970 году, стала последней изданной при его жизни работой

— Правда ли, что он до самой смерти продолжал вести индивидуальный анализ, используя кушетку и метод свободных ассоциаций?

— Я точно не знаю. Но есть одно свидетельство — от Джоан Баез, знаменитой фолк-певицы. Она проходила у него групповую терапию и написала об этом в своей автобиографии в 60-х. Это, пожалуй, единственное достоверное описание того, как выглядело пребывание в терапии у Эрика Берна со стороны пациента. Она называла его доктор Саншайн — «Доктор Солнечный».

Об отцовских уроках и улыбке

— Какое ваше самое теплое воспоминание об отце — то, что до сих пор вызывает улыбку?

— О, таких много. Но, наверное, самое дорогое — это время, проведенное на пляже. Пляж играл огромную роль в жизни моего отца — как в социальной, так и в семейной. Мы ездили туда каждый выходной, это было частью ритуала. Более того, тот участок, где мы собирались, даже называли «пляжем Эрика», потому что он ходил туда много лет. И компания, с которой он там встречался, называлась просто: «банда Эрика». Я всегда был рядом с ними. И это была настоящая школа жизни — в самом хорошем смысле.

Эрик Берн со второй женой Дороти Уэй и ее детьми от первого брака — Робином, Дженис и Роксаной — в Кармеле
https://eatanews.org/wp-content/uploads/2019/04/Eric-Berne-Archives.pdf

— А какой самый важный урок вы получили от отца?

— Я бы не сказал, что он передал мне прямо какую-то формулу. Мы с ним были очень разные. Он постоянно работал. Я — нет. Даже в своей профессии — как редактор, переводчик, журналист — я всегда делал только то, что нужно. Старался делать хорошо, но не больше. Я очень ценю свое свободное время.

Он тоже его ценил, но все равно работал так много, что времени почти не оставалось. Так что урок «работай больше» я точно не усвоил. Но, может быть, главный урок был не про труд, а про игру. Он очень любил играть, веселился, проводил время с друзьями и семьей. И это то, чему я научился у него. Наслаждаться жизнью. Не только работать, но и быть с теми, кого любишь, радоваться простым вещам.

— Есть ли мысль или идея вашего отца, которую вы особенно цените и передаете своим детям?

— Честно? Нет какой-то одной. Скорее — общее чувство, что мне повезло. У меня было счастливое детство. Я рад, что мы жили в Кармеле, — это очень красивое место. И я просто думаю: мне повезло с отцом. Он был замечательный отец. И это главное.

О разногласиях с отцом

— А были ли у вас с отцом разногласия? Ссоры? Моменты напряжения?

— Были. Самое заметное — на почве занятий алгеброй и шахматами. Он очень хотел, чтобы я учился, особенно математике. Я дошел до какого-то уровня, но не мог продвинуться дальше. И это его сильно расстраивало. Я тогда хотел стать морским биологом. А он считал, что без математики мне не обойтись, и пытался втолковать мне основы. И с шахматами было так же — он учил, но я не стал в этом силен. Иногда он злился: «Ты не занимался!», — сердился, расстраивался. Сейчас я вспоминаю это с улыбкой, даже с теплотой. Но тогда, в подростковом возрасте, это было сложно: я старался, правда старался, но просто не мог.

О России: «Я чувствую, что мы рядом»

Затем Терри поделился личным воспоминанием о первом визите в Санкт-Петербург в 1992 году. Тогда, работая музыкальным журналистом, он приехал на фестиваль «Белые ночи» и провел десять дней в одном отеле с музыкантами и организаторами. Этот опыт стал для него неожиданным открытием — Россия оказалась гораздо ближе, чем он представлял: «Ваш характер, ваше чувство юмора — они ближе к нашему, чем у кого-либо еще в Европе. В каком-то смысле — мы братья».

1-я Летняя конференция по транзактному анализу
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Томас Харрис, Эми Харрис и Роберто Кертес на конференции или встрече по транзактному анализу
Courtesy of UCSF Archives and Special Collections.
(Предоставлено архивами и специальными коллекциями UCSF)

Николас Берн Калькатерра (слева), единственный кровный внук Эрика, сын его дочери Эллен, и Терри Берн (справа), младший сын Эрика Берна, на конференции по столетию Эрика Берна в Монреале, август 2010 года
Сайт www.ericberne.com

2023 год. Три поколения семьи Эрика Берна в Малаге, Испания. Задний ряд слева направо: Питер Берн (первый сын Эрика — от первой жены Рут), Терри Берн (третий и младший сын Эрика — от второй жены Дороти), Николас Берн Калкатерра (сын Эллен Берн, единственной дочери Эрика, от первой жены Рут). В первом ряду Алессия Николь Калкатерра и Эрик Берн Калкатерра, правнуки Эрика (от внука Эрика Николаса)
https://www.facebook.com/DrEricBerneMD*

Правнучка Эрика Берна Алессия и правнук Эрик хвастаются вышедшим переводом Games People Play на азербайджанском языке 2018
https://www.facebook.com/DrEricBerneMD**

* https://www.facebook.com — Принадлежит Meta Inc., деятельность компании Meta Inc. и её продуктов признана в России экстремистской и запрещена.

Терри Берн с Адриенн Ли – фото с LinkedIn от 2007 года**

Письмо Терри Берна редакции журнала «ТА в России»

The TA Journal launched by your Institute looks very impressive and is obviously a labor of love. Congratulations!

As for permission to use the photos, yes, please feel free to use as many as you like now and in the future.

Thanks for keeping in touch. Eric would certainly be proud to see how Russia has embraced his theories and I will always recall with pride and pleasure our interaction last April.

———————————-

Журнал по транзактному анализу, издаваемый вашим Институтом, выглядит очень впечатляюще и, безусловно, является делом, созданным с любовью. Примите мои поздравления!

Что касается разрешения на использование фотографий — да, пожалуйста, не стесняйтесь использовать столько, сколько вам нужно, как сейчас, так и в будущем.

Спасибо, что поддерживаете связь. Эрик, без сомнения, был бы горд увидеть, как в России приняли его теории, а я всегда буду с теплотой и гордостью вспоминать наше общение в апреле.

** Заблокирована в РФ за невыполнение требований о передаче данных российских пользователей на серверы, расположенные в России